

- Император призывает тебя, - ровным голосом объявила Мара, бросив на него быстрый взгляд. Он был в таком состоянии девять дней, размышлял он. Из-за наркотика он был ошеломлен и обездвижен больше недели, не то чтобы полностью потерял сознание, но не мог собраться с мыслями настолько, чтобы встать, пошевелиться или даже ответить. Что бы это ни было за вещество, он был не в состоянии бороться с ним силой. Оглядываясь назад, он задавался вопросом, не было ли это самовоспроизводящимся веществом; для выведения любого другого вещества из его организма потребовалось бы больше времени. Это, казалось, было создано для того, чтобы быстро повторяться, оставляя его в затуманенном состоянии, время текло длинными пустыми волнами, воспоминания таяли мгновение за мгновением, перемежаясь фрагментами разрозненных образов из прошлых событий. У Люка сохранились отдаленные, туманные воспоминания о приходящих и уходящих людях, но Мара всегда была рядом, наблюдая за ним, а он наблюдал за ней в ответ. Он медленно моргнул, не в силах сделать ничего другого, кроме как сесть в кресло у окна, оставив книги непрочитанными, а карты для игры в сабакк нетронутыми на столе.

Воцарилась гнетущая тишина, нарушаемая только громкими голосами и резкими фразами, когда Вейдер проплывал мимо, а Палпатин, сидя в своем огромном тяжелом кресле, непрерывно разговаривал. Упреки и отповедь сыпались так быстро, что Люк не успевал за ними, наблюдая, как тонкие бледные губы старика двигаются вдоль щербатых зубов, не имея ни малейшего представления о том, что он говорит.

Старик замолчал посреди своей тирады, в его глазах блеснуло холодное веселье, когда он, наконец, сумел собрать всю волю в кулак и сконцентрироваться, чтобы произнести слово "стоп". Люк ответил: "Прекратить что?" - осознавая, что ему потребовались долгие секунды, чтобы даже моргнуть и открыть глаза.

"Ты усвоил свой урок?" - спросил ситх с насмешливым безразличием. Люку потребовалось слишком много времени, чтобы ответить, поскольку он должен был обдумать вопрос и прийти к осознанию того, что у него не было другого выбора, кроме как согласиться или оставаться в своем нынешнем затруднительном положении. Он отдавал себе отчет в том, сколько времени ему потребовалось, чтобы сконцентрироваться на формулировании ответа. Чувствуя на себе насмешливый взгляд Палпатины, он, в конце концов, сумел произнести слово "Да".

Мару вызвали обратно в комнату, чтобы ввести противоядие, что она и сделала, даже не взглянув в его сторону, несмотря на его бдительный контроль. Затем он погрузился в сон, не в силах определить, как долго он оставался без сознания. Когда он проснулся, был уже поздний вечер, и он обнаружил, что лежит на высокой, просторной кровати с простынями, которые были девственно гладкими, как будто он не шевелился с тех пор, как его туда положили. Он знал, что у них в запасе есть вещество, которое при желании может вывести его из строя. У Мары и нескольких охранников было оружие, и оно могло быть использовано против него как метательный снаряд. Тем не менее, он знал, что его нельзя распылить; если бы у них была такая возможность, они бы уже использовали его. Более того, он знал, что у Мары есть противоядие, и она сохраняла дистанцию, отвергая все попытки общения. Ее присутствие в Силе вызывало ощущение холодности и отстраненности, в отличие от прошлого.

Сквозь туман, вызванный наркотиками, которые она ввела, когда охранники вошли в палату, он вспомнил фрагменты их разговора. Он вспомнил, как она что-то говорила ему, и повернул голову в ее сторону, когда она заговорила, но ее слова растворились в оцепенении. Если бы он и был достаточно осведомлен, чтобы ответить, то, скорее всего, у него была бы снижена способность связно мыслить. Он понимал, что каким-то образом встревожил ее; возможно, разозлил или напугал. Возможно, он отдалился от нее... что не входило в его намерения. Из всех присутствующих здесь людей Мара была единственной, с кем, как ему казалось, он мог бы

установить контакт. Она была тем человеком, с которым он хотел попытаться наладить отношения. Что-то в ее присутствии, казалось, находило отклик в нем. Однако теперь она ни разу не взглянула в его сторону. Никто из них этого не сделал, кроме Палпатина.

Он перевернулся на бок и подождал, пока комната перестанет кружиться. Через некоторое время он присел на край кровати, чувствуя тошноту и головокружение. "Как долго я был без сознания?" - спросил он, надеясь завязать с ней разговор. Из-за пересохшего горла его голос стал резким и хриплым, и он физически дрожал, хотя и не был уверен, было ли это из-за холодного воздуха, который касался его кожи (поскольку на нем была только пижама), или из-за последствий отмены наркотиков. Она не ответила, не посмотрела на него. У него пересохло во рту и в горле, и мысль о том, чтобы встать, казалась непреодолимой в тот момент. - Ты так и не заговоришь со мной? пробормотал он, протирая затуманенные глаза и предпринимая новую попытку. - Ну же, я знаю, что тебе не нравится этот столик. Она все еще не поворачивалась. Он провел дрожащей рукой по волосам, чувствуя собственную слабость. "Можно мне немного воды?" Ответа не последовало. "О еде, я полагаю, тоже не может быть и речи?" Он склонил голову набок, пытаясь поймать ее взгляд. - Пойдем, Рыжая. Ты здесь единственная, с кем стоит поговорить. - Он почувствовал в воздухе некоторое беспокойство, неловкость и растерянность. Она слегка наклонила голову, прищурила глаза, и он выдавил улыбку, которая только усилила ее хмурость. - Скажи что-нибудь, - настаивала она. - Тебе станет легче, если я признаюсь, что испытываю те же чувства к этому столу?

Она пристально посмотрела на него, ее голос был резким и обвиняющим, но в нем не было обычной напористости. Он улыбнулся в ответ, его слова сочли сарказмом. - Тобой так легко манипулировать, ты не можешь сопротивляться, когда я пытаюсь тебя унижить, - поддразнил он, прикрыв глаза от удовольствия.

Ее нефритово-зеленый взгляд смягчился, когда она встретилась с ним взглядом, и она покачала головой с намеком на улыбку в уголках рта. Волна темной энергии захлестнула комнату, словно внезапное изменение давления, окутав их обоих, прервав момент, когда Палпатин ворвался в комнату в вихре черных одежд на фоне багрового сумеречного неба. Люк, охваченный внезапным раскаянием, низко поклонился, но остался сидеть, слишком обессиленный, чтобы подняться. Его глаза пылали яростью, пока Палпатин смотрел на него в течение долгих мгновений, и то же чувство ущемленного права собственности жгло его мысли. Было невозможно определить, когда именно он сбежал из все еще вялого разума Палпатина, но он воздвиг ментальные барьеры, которыми обладал, когда император коротко приказал: "Встань".

Люк долго сидел, все еще дрожа и размышляя о том, что мог бы сделать сейчас, если бы он остался там, где был. Его настроение уже было мрачным, а усталость исключала всякое желание обострять ситуацию в ту ночь. Его единственным желанием было, чтобы все это поскорее закончилось.

Надев темный льняной халат, Люк медленно направился в гостиную, забыв закрепить его. Он двигался неторопливо, опираясь рукой о стену для опоры, остановился на пороге, собираясь с силами, решив не показывать своей уязвимости перед ситхами, несмотря на то, что они, вероятно, знали о его слабости. Палпатин молча сидел в кресле под высокими окнами гостиной. Напротив него был установлен второй стул. Джейд стояла по стойке "смирно" у двери, ведущей в столовую.

- Ты свободна, Мара, - сказал Палпатин, даже не взглянув в ее сторону. Осознавая, что в его тоне слышится ярость, он не отрывал взгляда от юной джедайки, когда остановился у двери

спальни. Палпатин прекрасно понимал, какой гнев будет испытывать мальчик после их встречи, и знал, что тот будет пытаться сдерживаться так долго, как только сможет.

- Сядь, - приказал Палпатин, указывая на стул. Молодой человек, слабый и не желающий сопротивляться, шагнул вперед, ухватился за стул, чтобы не упасть, и сел с выражением негодования на лице и плотно сжатыми губами. Но он сел. Палпатин наблюдал за ним с чувством гнева, хотя и по другой причине, чем раньше. Заговорил ли он? Надеялся ли он найти кого-то, кто поймет его? Союзника?

Молодой человек молчал, отказываясь отвечать, его взгляд был устремлен в пустоту. - Я бы поискал в другом месте, джедай, - продолжил Палпатин, и в его словах прозвучало скрытое оскорбление. " У нее нет сочувствия. У нее нет уязвимых мест. Молодая женщина послушно вышла из комнаты, заперев за собой тяжелую дверь. Тишина в огромном темном зале была гнетущей, когда Палпатин сидел, прищурился глазами. "Какой ты молчаливый сегодня вечером. Неужели одно-единственное слово другого человека придает тебе такой силы духа? Возможно, мне следует призвать ее обратно и разорвать на части, чтобы убедиться, что если я захочу тебя одну, то так оно и будет.

Палпатин сделал паузу, пока хрупкое, полусонное существо перед ним осознавало серьезность угрозы, и ему потребовалось еще несколько мгновений, чтобы понять, что он должен заговорить, чтобы спастись от своего похитителя. Человек, ответственный за то, что он держал его в лапах императора, хранил молчание. Возможно, он начинал понимать, что сострадание всегда будет его ахиллесовой пятой, и Палпатин будет использовать его, если только он сам не обуздает его и не позволит эксплуатировать. Достаточно ли далеко он продвинулся на своем пути, чтобы преодолеть эту слабость?

Для Люка прозрение пришло с безошибочной ясностью: Мара отчитала его не за то, что он разговаривал с кем-то другим. Ситх угрожал его собственности, а не ей. Ее слова, обращенные к нему, были источником упрёка.

Тревожное осознание этого факта парализовало Люка на несколько секунд, прежде чем поток темной энергии проник в его беспокойные мысли. Он почувствовал призыв Палпатина через Силу, осознавая, что Палпатин также обладает некоторой чувствительностью к Силе. Они смотрели друг на друга, лицо Люка ничего не выражало, Палпатин был полон предвкушения. Ни один из них не произнес ни слова, единственным звуком был щелчок открывающейся двери, эхом разносившийся в тишине. Двери распахнулись, и она, ни секунды не колеблясь, вошла внутрь, склонив голову в знак уважения. Палпатин не ответил, его взгляд все еще был прикован к Скайуокеру. Люк отвел глаза, глядя на кроваво-красный горизонт, ощущая, как вокруг него нарастает статический заряд темной энергии, словно сталь, бьющаяся о сталь.

Когда Палпатин призвал Силу, трансцендентальная энергия хлынула через комнату, заставив Люка нервничать. Его руки начали подниматься, но он тихо произнес: "Нет". Палпатин услышал эти слова. На мгновение показалось, что Палпатин собирается действовать, но затем выражение его лица смягчилось, и напряжение спало. На его лице появилась улыбка, обнажившая поврежденные зубы. "Спасибо, Мара, - сказал он, - ты можешь идти".

Мара нахмурилась, явно понимая, что что-то произошло, но не стала расспрашивать дальше. Кивнув, она поклонилась и вышла из комнаты, двери за ней закрылись. Люк прекрасно понимал, какое сожаление он испытывает при мысли о том, что ему придется убить Мару, которую он тренировал с детства. Однако он знал, что у него не было другого выбора, кроме как сделать это. Он точно понимал, как ситх будет манипулировать им. Был ли он неправ? Действительно ли сострадание было слабостью?

Палпатин устроился в кресле у окна, алый закат придавал его бледной коже кроваво-красный оттенок. - Джедай, о чем ты только думал? - спросил он, и в его голосе прозвучала ирония.

Люк услышал горечь в своих собственных словах. Палпатин не отводил взгляда, казалось, наслаждаясь этим обменом репликами. - Видишь ли, сострадание может быть твоей самой большой уязвимостью, как я уже продемонстрировал. В вашей ситуации я бы, не колеблясь, позволил ей погибнуть, а не обратился за помощью к противнику". Неужели он не понимал своей уязвимости? На самом деле, он осознавал это, но все равно принимал это, осознавая способность Палпатина использовать это против него. В этом было величайшее преимущество Палпатина — он мог разглядеть уязвимые места в душах каждого, и даже самую маленькую трещинку можно было использовать в своих целях. Сострадание могло быстро превратиться в парализующую беспомощность. Люк избавил бы своих джедаев от этого человеческого недостатка — он не был частью их сущности.

Люк разозлился из-за случайного вторжения Палпатина в его мысли, хотя и не так сильно, как раньше. Он больше не злился из-за этого; скорее, он ожидал этого, даже принял это с радостью. Его мысли принадлежали не ему, и попытка скрыть их от Палпатина была тщетной, и он не смог этого вынести. Лишь немногие избранные остались нетронутыми.

- Мне это ничего не стоило, - наконец заявил Люк. - Пока. - Он принял это, небрежно пожав плечами. - Если ты считаешь меня таким слабым, почему я все еще здесь?

Палпатин ответил: "Это забавляет меня. Я вижу в тебе потенциал". Голос Люка, хотя и был твердым, не обладал той силой, которая была подорвана наркотиками и переутомлением, от которого он страдал. "Я не обращаюсь", - заявил он. - Ты меня об этом не просил.

Палпатин сделал паузу, и Люк напрягся, ожидая резкого ответа. Однако Палпатина, казалось, не задела слова Люка.

"Нет, - продолжил он, - в твоем обращении нет необходимости. Достаточно того, что ты здесь, со мной".

Палпатин улыбнулся, увидев, как нахмурился молодой человек. Ему очень хотелось задать вопрос, но он сдержался и отвел взгляд. Тем не менее, он ответил на невысказанный вопрос; молодому человеку было важно понять его.

- Потому что ты мой. Ты всегда был моим, независимо от того, где они тебя прятали или какой ложью кормили. Я возвращаю то, что принадлежит мне по праву, - заявил Палпатин, снова встретившись взглядом с молодым человеком. Однако молодой человек не задавал никаких вопросов.

Палпатин с удивлением отметил, что молодой джедай занял твердую и непоколебимую позицию, прочно утвердившись в своем положении с момента своего заключения здесь, несмотря на убедительные и изощренные аргументы Палпатина в сочетании с его резкими насмешками. Каждая сессия была идентичной, и Палпатин наслаждался ими всеми, пользуясь возможностью постепенно внедрять свою догму, сосредотачиваясь на непоколебимых принципах, выявляя каждую слабость и зная, что постепенно разрушает основы, подрывал надежды молодого человека и ослаблял его убеждения до тех пор, пока все, что у него оставалось, - это твердая воля, стремление к цели, ожидание, что им будут руководить так, как он сочтет нужным.

Ситх улыбнулся. - Значит, это твоя новая реальность, эти комнаты и наши беседы. Он увидел,

как лицо мальчика побледнело от отчаяния, но все же..... " Я не буду оглядываться назад.

"Вы заключены в неприступной крепости", - сказал он. "Эти покои были спроектированы для содержания джедаев. В башне за ними находятся мои самые доверенные охранники и сотрудники. Этот дворец - неприступная крепость. Никто на этой планете не сможет помочь тебе — все здесь разрешено моим указом. Все подчиняется мне. Ты больше никогда не увидишь ни одной живой души. Только я и ты, только эти стены." "Почему?" спросил он. "Почему бы просто не положить конец моему существованию? Я не могу понять".

Тон Палпатина был пропитан враждебностью. - Мне нет необходимости лишать тебя жизни. Это было бы бесполезным занятием. Я уничтожу тебя, если представится возможность. Однако я получаю удовольствие, наблюдая за твоими страданиями. Ваше присутствие здесь, ослабленное и усталое, не меняет этого факта.

Действительно, в тебе есть что-то от моего отца... с каждым днем ты становишься все больше и больше. Трансформация незаметна, но все же она происходит. Я осознаю твой упадок. Ты становишься все больше похожим на меня.

Мальчик тоже понимал это, несмотря на свою внешнюю решимость. Его готовность пожертвовать собой или заставить Палпатина действовать только подчеркивала его отчаяние.

"Со временем вы почувствуете себя по-другому", - с уверенностью заявил он.

Палпатин ответил: "Нет, какой же ты упрямый, мой друг. Какой узконаправленный. Насколько это полезная черта, которую ты проявишь, служа мне".

Джедай не поднимал взгляда, но в его голосе безошибочно угадывался вызов. Палпатин на мгновение замолчал, в его глазах мелькнул лукавый огонек раздумья. - Необходимо проводить различие между необходимостью и желанием. Я нуждаюсь в услугах Вейдера, чтобы поддерживать господство в моей империи, но ему не хватает проницательности и изящества, необходимых для дальнейшей эксплуатации. Он похож на тупой инструмент." Люк задрал подбородок, оскорбленный словами и поведением человека, стоявшего перед ним, поскольку считал, что Палпатин использует довольно грубый подход. Звезда Смерти не была тонким инструментом. Он испытал некоторое удовлетворение, увидев, как на лице императора промелькнуло замешательство, когда он упомянул об этой дорогостоящей неудаче, но оно оказалось лишь кратковременным.

"Как и "Лорд Вейдер", он был продуктом своей эпохи и достиг чего-то более ценного благодаря своей гибели, чем благодаря продолжению существования", - утверждал Люк, выдерживая пристальный взгляд императора. - Это заставило тебя покинуть свое укрытие, - заметил ситх, наклоняясь вперед, словно делясь секретом. - Я бы отдал половину своего флота, чтобы добиться этого.

- Ты должен был сообщить мне, - сухо ответил Люк. - Ты должен был понять, - возразил Палпатин, - что эра решительных мер прошла. У меня есть моя империя.

"Не такой совершенный, как ты думаешь", - возразил Палпатин. "Очаги сопротивления уменьшаются. Моя империя развивается. Мне больше не нужен тупой инструмент." "Я ищу что-то более точное, что-то, способное продвинуть мою империю вперед, - мое творение, мое происхождение... мое видение. Вы, о джедай, являетесь уникальным существом, происходящим из несравненной династии — последней ее итерации. Ваша сила возрастает благодаря обостренному восприятию, образуя тонко настроенный инструмент. Это сочетание меня интригует.

Палпатин часто использовал эту сбивающую с толку смесь лести и дегуманизации, зная, как это выбивало Люка из колеи, оставляя его без ответа, без представления о том, как реагировать. Люк признал, что часто прибегал к этим словам, когда диалог становился слишком трудным или когда он хотел спровоцировать Палпатина. Палпатин продолжил: “Я верю, что у тебя получится. Я наблюдал за тобой довольно долгое время, мой дорогой друг. Я хорошо знаком с вами и понимаю, как работает ваш разум. Я осознаю, что вами движет, что вас сдерживает, и я понимаю ваши ограничения и ограниченность границ. Поскольку я наблюдаю, как рушится ваша защита, я могу с уверенностью сказать, что вы были бы ценным приобретением, если бы я приказал вам подчиниться.”

Палпатина раздражало упрямство молодого человека и его нежелание уступать контроль над разговором. Он точно знал, чего хочет, и был готов ждать столько, сколько потребуется. “Мне нужны ваши силы и служение, но я не нуждаюсь в них сейчас. Эти короткие беседы, которые мы проводим вместе, доставляют мне большое удовольствие”.

Теперь Палпатин почувствовал, что его гнев растет из-за упрямства мальчика. “Конечно, ты сделаешь это”, - отрезал он. “Ты знаешь, что эти слова лживы, и повторение их не сделает их правдой и не защитит тебя от меня”.

Утверждения Палпатина пробились сквозь упорное отрицание Люка. Был ли он прав? Люк осознавал, что его ресурсы истощились, что он истощил их, как физически, так и морально, со времен Беспина. Он чувствовал уверенность Палпатина, его уверенность в себе... было ли это правдой? Он больше не знал. Он был измучен, сбит с толку и обескуражен, изо всех сил стараясь не заснуть. Ослаб от борьбы, когда всем было все равно. Всем было все равно. Было ли это правдой? Уступил ли он власть Палпатину, придерживаясь бесполезных принципов? Можно ли было бороться с огнем только огнем? Было ли это правдой? Он предвидел быстрый конец, отрицание и гибель. Не такой, как сейчас, — изолированный и беззащитный по собственному выбору. Обязанности связывали ему руки, удерживая его здесь надежнее любой стены. И Палпатин, всегда рассуждающий, всегда подстрекающий, сеющий крошечные семена сомнения, наблюдающий, как они прорастают, несмотря на попытки Люка игнорировать и отвергать. Такой рациональный, такой логичный. Такой жестокий. Смерть от тысячи порезов. Палпатин мог в любой момент разжать свою руку и покончить со всем этим, он знал... но ценой была бы жизнь Хана. Он улыбнулся, наблюдая, как решимость джедая все больше ослабевает. Палпатин знал, что джедаи тоже это видели. Это был долгий и трудный процесс - завоевать расположение джедаев у их союзников, которые в спешке покинули их, как только их драгоценная маленькая принцесса начала шептаться об их происхождении.

Было трудной задачей поколебать слепую веру джедаев в своих мастеров, которые указали им только один путь. Мастера боялись, что раскрытие большего соблазнит джедаев и исказит их веру, искалечив то самое, что могло бы их спасти. Их нетерпимость и паранойя делали их уязвимыми. Палпатин продемонстрировал им необычайную силу, которой они обладали, силу, способную свергать империи. Однако они предпочли не использовать ее, заставив его почувствовать себя преданным. Их глупость и вероломство вызвали у него насмешливую улыбку.

Все, что ему оставалось, - это уверенность в своей способности отличать добро от зла и собственная сдержанность, но даже они начинали давать сбои в этой тщательно продуманной обстановке. Теперь пришло время подвергнуть испытанию последнюю опору, чтобы определить, можно ли заставить его действовать. Это было последнее испытание Палпатина. Он был свидетелем способностей Люка — теперь он стремился раскрыть причину, стоящую за ними.

"Зачем ты разбил окно?" - с неподдельным любопытством спросил Палпатин. Люк, сидя в своем кресле, подпер голову руками, в изнеможении массируя виски. "Меня это несколько не беспокоило", - ответил он с оттенком сарказма. Палпатин не был недоволен. "Вы не причинили мне неудобств, джедай", - заметил он. "Однако это прояснило степень ваших способностей. До сих пор я не был уверен, но теперь я знаю, чего вы можете достичь, а что находится за пределами вашей досягаемости".

Люк долго молчал, пытаясь восстановить самообладание и сосредоточиться на том, чтобы помешать Палпатину проникнуть в его разум. Он понимал, что должен перевести разговор в другое русло, чтобы избежать раскрытия какой-либо информации в его нынешнем уязвимом состоянии. Я бы задал тот же вопрос — ваша медицинская бригада, похоже, была очень занята. Могу я поинтересоваться, где они взяли образец моей крови? Похоже, потребовалось некоторое время, чтобы синтезировать это лекарство. Я полагаю, оно было изготовлено на заказ?

Палпатин откинулся на спинку своего богато украшенного кресла, не торопясь с ответом, излучая абсолютную уверенность и понимая, как это действует Люку на нервы. - Действительно. Приятно наблюдать, насколько хорошо оно работало в своей последней версии... Возможно, не так хорошо для вас, я полагаю", - сказал он. Джедай знал, что лекарство станет сюрпризом.

Юный джедай был покорен его уверенностью, осознав, как легко Палпатин мог манипулировать им, если бы захотел. Он опасался, что им снова будут манипулировать, и был возмущен тем, что его так легко контролировать, поскольку ему пришлось уступить.

- Образец? - подсказал Люк, не позволяя втянуть себя в разговор. Палпатин заметил перемену в намерениях — это было активное участие. Молодой джедай больше не избегал, а скорее намеренно направлял разговор в определенное русло. Почему так было? Палпатин отмахнулся от этой идеи, небрежно пожав плечами: "Вы были бы удивлены, узнав, в каких местах у меня есть шпионы и агенты, а в каких нет".

Он продолжил: "Существует также разумная природа, которая жадна и смазывает многие механизмы. Однако, не в Альянсе", - заявил он с полной уверенностью. Его палец ритмично постукивал по подлокотнику кресла, пока он размышлял, а другая рука покоилась на подбородке, поддерживая голову, которая слегка склонилась набок.

"Действительно? Тогда у меня должен быть там агент", - заключил он, но сможет ли он осознать весь масштаб ситуации в своем нынешнем состоянии? Тем не менее, Палпатин с любопытством ждал, что произойдет дальше.

Неодобрительный взгляд Палпатина заставил Люка погрузиться в глубокое раздумье. - Нет, я никого не знаю, - сказал он, - уж точно не медика. Альянс полагается на дроидов, а им нельзя доверять — любое изменение в их программе будет легко обнаружено.

Люк устало размышлял, его мозг, как всегда, лихорадочно пытался сопоставить факты, вспоминая неопознанного крота в своей ячейке Альянса. У командного состава есть доступ, размышлял он, но... Люк отверг эту идею как немыслимую, даже когда говорил, и стал искать другие варианты. Возможно, это технический специалист, имеющий доступ ко всему хранилищу данных? Он мог бы получить доступ к файлам с медицинской информацией и обладать средствами для расшифровки кодов. В качестве альтернативы можно было бы использовать службу поддержки данных или кого-то из специалистов по коммуникациям. Срез

мог бы с некоторым успехом извлекать данные, скрывая их в существующих передачах.

- Отличная работа, джедай, - сказал Палпатин с оттенком восхищения в голосе. Люк пристально посмотрел на пожилого человека... потому что теперь он знал его очень близко. Палпатин заявлял, что знаком с Люком, но за это нужно было заплатить определенную цену. Люк тоже знал его, и он распознал внезапное намерение Палпатина завершить игру, хотя и замаскированное. Однако было еще кое-что, чего Палпатин не хотел раскрывать.

"Если бы у кого-то был доступ к Данным, у него был бы полный доступ ко всей информации", - сделал вывод Люк. "Это позволило бы ему легко манипулировать прошлыми записями". Взгляд Палпатина сузился, очевидно, подтверждая откровение Люка. "Ваша принцесса обманула вас", - заявил он. И тогда для Люка все встало на свои места. Кусочки мозаики встали на свои места с совершенной ясностью. Он понимал очевидное, но он также знал Палпатина, и этого было недостаточно. Должно было быть что-то большее, должна была быть более глубокая связь. То, что было необходимо, требовало большего, чем то, что было открыто.

Ситхи манипулировали событиями ради собственного развлечения... и они заставили Люка заключить сделку о свободе Леи — заставить его отказаться от своей свободы в обмен на женщину, обладающую информацией, которая могла бы уличить его, — что наконец-то связало все воедино.

- Вот почему вы хотели освободить ее, - сказал он не как вопрос или обвинение, а как констатацию факта. - Разве вы не связывали меня со шпионом? Разве у вас уже не было кое-чего наготове? Этого было недостаточно. Вам требовался кто-то, заслуживающий доверия, кто-то безупречный, чтобы предоставить больше информации - достаточно, чтобы связать вашу хорошо продуманную ложь с этой единственной правдой, сделав ее неоспоримой. Таким образом, вы позволили остальным выйти на свободу, поскольку их освобождение было бы подозрительным. Но ты ведь хотел, чтобы я сражался за нее, не так ли?

Люк теперь полностью проснулся и слышал горечь в своих собственных словах, когда понял, что было частью плана ситхов. Несмотря на ощущение пустоты и странной опустошенности, Люк чувствовал, что выполняет все действия без особых эмоций. Это не изменило того факта, что он чувствовал себя преданным. Я предоставил ей информацию, но она сделала свой выбор. Она могла бы промолчать. Люк потерял глаза, удивленный отсутствием гнева, который он испытывал, сменившись чувством разочарованного смирения. - Ты сделал это, чтобы заманить меня в ловушку, разорвать отношения с Альянсом и раскрыть истинную природу твоей преданности, - обвинил Люк. - А где твоя? Улыбка Палпатина мгновенно исчезла, но его победа осталась, поскольку Люк только что впервые признал личность Вейдера. Осознавал ли Люк вообще это в разгар важного события? Палпатин воспользовался преимуществом, не оставив ему времени на размышления.

"На самом деле, ты обладаешь большим, чем думаешь. Ты разделяешь его упорство, решительность и непоколебимую сосредоточенность, и даже внешне ты похож на него, когда он шел по выбранному пути", - сказал Палпатин.

Ответ Люка был быстрым и пылким. - Я не ситх! - воскликнул он, привстав в яростном отрицании.

Палпатин долго смотрел на него, очарованный яростным выражением лица Люка. Когда он заговорил снова, его голос оставался спокойным.

"У вас такие же глаза, как у него, - эти злые, жесткие и холодные глаза, удивительного

пронзительно-голубого оттенка, похожие на лед в темноте", - сказал он.

Мальчик недоуменно заморгал, совершенно ошеломленный этим неожиданным открытием.

"Разве Оби-Ван не сообщил тебе об этом?" Удивленно спросил Палпатин.

- Оби—Ван был твоему отцу как брат, но когда он бросил ему вызов, твоего отца преследовали без...

- Я не желаю слышать твою ложь, - прервал его Люк, в его тоне слышался гнев. Палпатин улыбнулся, заметив напряженность в его словах.

- Истина неуловима, - заметил он. - Твоя версия правды, - ответил Люк. - Настоящая правда. Правда как она есть. Он покачал головой. - Я не верю ни единому слову из этого. Когда я тебя обманывал? О Лее?

Палпатин обдумал его слова, сделав паузу на мгновение. - Что касается Леи, да, - признал он, - я пришел к пониманию правды о ней. Ты поделился со мной только тем, что мне нужно было услышать, чтобы манипулировать мной. Я ясно изложил правду, настоящую правду... — Палпатин заколебался, понимая, что Люк снова пытается увести разговор в сторону. Мальчик становился искусным в том, чтобы избегать отвлекающих факторов, которые становились все более изощренными, требуя реакции Палпатина или признания поражения. Палпатину потребовалось некоторое время, чтобы взять себя в руки, пытаясь вернуть разговор в нужное русло.

"Как можно манипулировать истиной?" спросил он. "Вы вольны формировать свое собственное мнение".

"Здесь я никогда не буду по-настоящему свободен", - ответил Люк, заставив Палпатина улыбнуться его пронизательности. "С Кеноби ты тоже не был бы свободен", - уверенно сказал Палпатин. "Он просто по-другому скрывал свои манипуляции. Это в твоей натуре — за власть приходится платить, как и твоему отцу. - Палпатин отвел взгляд, словно погруженный в размышления, его голос стал нежным и манящим, привлекая Люка. - Оби-Ван Кеноби был учителем и другом твоего отца, его доверенным лицом. Твой отец полностью доверял ему, как и ты сейчас. И все же, шрамы, которые носит твой отец... Оби-Ван уничтожил его. Он видел, как твой отец был сожжен, ранен и беспомощен, не так ли? Твой уважаемый рыцарь-джедай."

Мальчик молчал, зачарованный, не в силах отвести взгляд. Оби-Ван спас жизнь его отцу, но оставил его медленно умирать на Мустафаре, оставив его искать Люка и его мать. Оби-Ван повернулся к мальчику, глаза которого встретились с его собственными. Скептицизм уступил место грубым эмоциям: ребенок теряет свою мать, самый первобытный из страхов.

Желтые глаза смотрели на голубые завораживающе, как будто он видел их впервые. Это выходило за рамки доктрины, за рамки принятия или отказа, это был момент прорваться, разрушить защиту, когда Оби-Ван дрогнул, его щиты были бессильны перед правдой. Теперь он будет слушать, потому что у него не было выбора.

"Они похоронили ее... всего через несколько дней. Ни ты, ни причина ее смерти никогда не упоминались", - заявил Палпатин, позволив намеку повиснуть в воздухе, чтобы мальчик мог поразмыслить. Мириады противоречивых эмоций, которые он испытывал, отражались в его голубых глазах и не поддавались описанию. Палпатин сохранял бесстрастное выражение лица, не давая мальчику ни за что зацепиться или отреагировать. Таковы были его чувства, его

реакция.

“Я тебе не верю”, - уныло пробормотал мальчик. “Каждое слово - правда”, - возразил Палпатин. Мальчик смотрел на него твердым и спокойным взглядом, но под ним бушевала буря эмоций, требующая выхода. Все эти чувства, все эти противоречивые эмоции переполняют такого хрупкого и непостоянного человека. Для ситхов это было опьянение, пленение. Как близок он был к тому, чтобы потерять самообладание, какие непреодолимые эмоции приводили его на грань здравомыслия, испытывая пределы его самообладания. Палпатин мог только зачарованно смотреть, замороженный, уверенный, что Скайуокер в любой момент может раскрыть всю свою мощь.

Юный джедай довольно долго оставался неподвижным, в напряженной, зловещей тишине, которая, казалось, обладала собственной кинетической энергией, подобно затишью перед бурей. Палпатин ждал с напряженным вниманием, сжав кулаки и глубоко вонзив ногти в полированный подлокотник своего кресла. В воздухе повисло тяжелое предвкушение.

Нарочито медленно, собрав всю силу воли и самоконтроль, Скайуокер поднялся на ноги и бесшумно вышел из комнаты. Сила мягко закрыла за ним тяжелую дверь. Палпатин молчал несколько долгих мгновений, его дыхание было прерывистым, а взгляд устремлен на то место, где только что был Скайуокер. Его сердце бешено колотилось о грудную клетку, и все вокруг наполнилось всепоглощающим чувством предвкушения. Только по прошествии значительного периода времени он почувствовал необходимость двигаться, не желая упускать этот важный момент. Он встал и ушел, даже не оглянувшись. Приближаясь к своему жилищу, он ощутил ощущение, похожее на тихий вопль или бурю, разыгравшуюся в темноте. Прилив энергии, сильный и безудержный, продолжался всего несколько мгновений, но оставил неизгладимое впечатление. Его улыбка сменилась радостным смехом, когда Мара отреагировала на ошеломляющее событие.

Когда Мара Джейд вернулась на следующее утро с первыми лучами солнца, ее охватила тревога. Высвобождение Силы прошлой ночью было необычным и знаменательным, оставив у нее дурное предчувствие. Было ясно, что произошло что-то важное, как физическое, так и эмоциональное, и она размышляла о разрушении, которое Скайуокер произвел в тот момент, задаваясь вопросом, какие физические следы остались от его разбитого поведения.

Она пересекла длинный коридор в тревожном молчании, сетуя на то, что ей не пришлось в голову отступить от своего обычного распорядка и задержаться в оперативном центре, чтобы просмотреть записи с камер наблюдения, сделанные прошлой ночью. Она сомневалась в своем решении поспешить туда первой. Массивные дубовые двери закрылись за Марой, когда она вошла в темную столовую. Она продолжала идти, и двери красного дерева пустой гостиной закрылись за ней. Хунвейбин отпер замки, и двери медленно распахнулись.

Мара обнаружила, что находится в состоянии полного опустошения, после которого ее невозможно было узнать. Каждый предмет был разбит на фрагменты, разбросанные по всей комнате в хаотичном беспорядке. Ничто не осталось нетронутым: стулья, столы, каркасы кроватей, консоли — ничто не осталось нетронутым. Одежда и занавески были испорчены, штукатурка отвалилась от стен, осколки стекла застряли в дереве. Комната представляла собой груды развалин.

Посреди всего этого, скрестив ноги, одетый в ту же длинную черную мантию и пижамные штаны, что и накануне, сидел Скайуокер. Он повернулся к ней, спокойный и собранный, как будто ничего необычного не произошло. - Привет, Рыжая, - сказал он. И в этом было отличие. В его тоне, в его взгляде, в его манере держаться, которая была спокойной и собранной. Она

стояла как вкопанная, волосы на затылке встали дыбом, когда он встал и направился к ней. Его халат был расстегнут и волочился за ним, подол обтрепался и превратился в лохмотья. Перед ним был разбросан мусор, который убрали, чтобы освободить ему дорогу, но он не обращал на него внимания и не указывал на него жестом.

"Сегодня я должен встретиться с Соло, - заявил он, - и мне нужно подстричься".

Он обладал отстраненным, спокойным самообладанием воина, возвращающегося с битвы и стремящегося оправиться от конфликта. На его лице и шее было видно несколько небольших порезов с запекшейся кровью, но, казалось, они его не беспокоили.

Приблизившись, он остановился и наклонил голову, так что их взгляды встретились. Его радужки были необычного синего оттенка, насыщенного и властного, отчего Мара не знала, что он может сказать или сделать дальше. Он подошел ближе, подавляя ее своим присутствием, и ей потребовалась вся ее сила духа, чтобы удержаться от порыва отступить назад, не зная, как реагировать на него в таком состоянии. - Возможно, тебе нужно немного прибраться, прежде чем мы уйдем, - пробормотал он, словно рассказывая интимную шутку. Затем он прошел мимо нее к высоким окнам гостиной, повернулся к ней спиной и стал смотреть на восход солнца. - Похоже, собирается дождь, - небрежно заметил он, ни к кому конкретно не обращаясь.

<http://tl.rulate.ru/book/118587/4734809>